

Когда они вернулись домой, закатное марево еще не успело угаснуть. Нежный свет вечерней зари укутал черепичную крышу их скромного дома в две комнатухи, окрасив ее в теплые золотистые тона.

Укачавшись от долгой тряски, крошечные цыплята и утята дремали в бамбуковом коробе, сжавшись в пушистые желтые комочки. Цзян Жан бережно придерживал корзину обеими руками, когда они с Фан Чжуншанем спрыгивали с ослиной повозки у самого порога.

На открытом пятачке перед домом высилась круглая бамбуковая изгородь. За ней в гордом одиночестве копошилась старая наседка — их скромное наследство, полученное при недавнем разделе имущества. Цзян Жан выхаживал ее с особой нежностью: даже смастерил для нее теплое гнездо из сухой соломы и речной глины.

Молодой шуаньэр осторожно пересадил крохотных цыплят и утят в загон. Разбуженные крохи тут же подняли писклявый гвалт, но вскоре, неловко перебирая лапками и хлопая куцыми пушистыми крылышками, заковыляли к теплому гнезду старой курицы и сбились у ее бока в один живой комок.

Поесть они успели еще в городе, а потому, вернувшись, лишь согрели бадью воды, наскоро смыли дорожную пыль и завалились в постель, мгновенно провалившись в глубокий, крепкий сон.

Фан Чжуншань помнил о целебных травах на склонах гор, а потому на следующее утро поднялся ни свет ни заря. На дворе едва занимался серый рассвет, когда он, наскоро перекусив, собрал походный короб, проверил снаряжение и поспешил к дому Линь Фэна.

Опытный охотник тоже не любил залеживаться: Линь Фэн сидел перед своей бревенчатой избушкой, усердно затачивая тяжелый каменный нож. Заслышав шаги Чжуншаня, он удивленно поднял голову.

— Ты пропал на столько дней! — воскликнул дядя Линь, отложив брусок. — Я уж грешным делом подумал, что ты вообще забросил наши вылазки.

После той безобразной сцены во время первого визита в дом новоиспеченного зятя Линь Фэн действительно долго не видел парня. Хоть угрюмый охотник и сторонился деревенских, даже до его ушей за эти дни донеслось немало сплетен. Линь Фэн давно относился к Чжуншаню и Цзян Жану как к собственным детям, и вся эта грязная возня искренне его возмущала.

Охотник замялся, подбирая слова, но все же не выдержал и осторожно поинтересовался:

— Ну что, уладил дела с теми паршивцами?

Фан Чжуншань глухо ухмыльнулся и слегка приподнял зажатый в руке тяжелый каменный

нож. В его глазах на миг промелькнула опасная, ледяная решимость:

— Обычная шваль, гораздо только слабых обижать. Стоило мне показать им клинок, как они тут же языки поприкусили. Не о чем там мараться.

Убедившись, что парень не пал духом, Линь Фэн наконец с облегчением выдохнул. Он поднялся во весь рост, отряхнул колени и весело хмыкнул:

— Завалиться к тестю на порог с тесаком в руках... Ну ты даешь! Сколько лет в нашей глухомани живу, а такого сорвиголову еще не встречал. Но, надо признать, подействовало знатно. По крайней мере, семейка Цзян теперь поостережется соваться к тебе со своими пакостями.

Фан Чжуншань, впрочем, радоваться не спешил. Он нахмурился, и его голос прозвучал глухо:

— Такие люди... утихомирятся на день-другой, но на всю жизнь их не запугаешь. Рано или поздно им опять моча в голову ударит, и они снова припрутся пить нашу кровь.

Чжуншань с раздражением взмахнул тяжелым клинком, который со свистом рассек прохладный воздух:

— Но если полезут — церемониться не стану. Переломаю им хребты, живо угомонятся.

Линь Фэну чертовски нравилась эта суровая решимость Чжуншаня — бить наотмашь, не раздумывая. Охотник зычно расхохотался и заговорщически подмигнул парню:

— Если старик Цзян или этот его паскудный Господин Юань снова нарисуются на твоём пороге, и твоего удара им покажется мало — только свистни. Мой топор без дела не останется!

Отсмеявшись, Линь Фэн тяжело вздохнул и покачал головой:

— Жалко мне Жан-эра. Столько горя натерпелся бедный малец... Ты уж береги своего шуаньэра, Чжуншань. Окружи его заботой.

Фан Чжуншань ничего не ответил, лишь молча и твердо кивнул.

Пока дядя Линь укладывал припасы в плетеный короб и крепил к поясу ножны, солнце окончательно выкатилось из-за горизонта. Горные тропы Фан Чжуншань теперь знал куда лучше прежнего, а потому без лишних слов двинулся первым.

Долгий подъем в гору выматывал душу: каменистые тропы безжалостно сбивали ноги, лямки

короба врезались в плечи, а монотонно вышагивать час за часом среди густых зарослей — удовольствие сомнительное. К счастью, вдвоем с Линь Фэном путь казался короче. Неторопливые разговоры о том о сем скрашивали однообразие ходьбы, и даже усталость отступала.

Чжуншань все еще вынашивал планы открыть лавку с хого и ароматными шашлычками-чуаньчуань, а потому решил воспользоваться случаем и расспросить бывшего спутника.

— Красная или зеленая штука, от которой во рту все горит, немеет и пышет жаром? — Линь Фэн озадаченно почесал затылок.

По правде говоря, жители Деревни Речного Отдыха изысками себя не баловали. Пол-цзиня грубых пресных лепешек да пара ломтиков жирной свинины считались у них едва ли не пиром, так что о тонкостях вкуса никто и не задумывался. О таких вещах, как сладость, острота или умами, простые крестьяне даже не помышляли.

Одного взгляда на озадаченное лицо охотника хватило, чтобы Чжуншань понял: расспросы бесполезны. В душе зашевелилось легкое разочарование.

— Но ты раньше времени нос не вешай, — добродушно подбодрил его Линь Фэн. — Поищи на Горе Одинокого Шамана. Тайга тут бескрайняя. Я больше двадцати лет здесь охочусь, а всех троп так и не вызнал. Глядишь, в каком-нибудь глухом распадке и сыщется твой диковинный острый перец.

Чжуншань мысленно согласился. Гора Одинокого Шамана высилась на юго-западе Страны Великого Спокойствия. Здешний климат и рельеф во многом походили на те места, где он жил в своем прежнем мире. Субтропический муссонный пояс — идеальная среда для дикого острого перца и ароматного сычуаньского перца. По всем законам природы они обязаны здесь расти.

"Надо лишь набраться терпения — рано или поздно заветные кусты попадутся мне на глаза. В крайнем случае можно приглядеться к местным жгучим травам и использовать их в качестве замены"

Выкинув лишние заботы из головы, Фан Чжуншань сосредоточился на дороге, внимательно осматривая густой подлесок в поисках нужных трав.

Удача благоволила Линь Фэну: не прошло и получаса, как он изловчился и сцапал пестрого горного фазана. Тот недовольно захлопал крыльями, когда охотник взвесил его в руке — птица была жирной, тяжелой, прямо-таки просившейся в котелок. Охотник ловко оглушил добычу, сунул ее на дно короба и с довольной ухмылкой прибавил шаг. Обернувшись к неторопливо шагающему позади Чжуншаню, он весело крикнул:

— Поторапливайся, парень! С такой черепашьей скоростью мы всю добычу упустим!

Но Фан Чжуншань не гнался за дичью. Его интересовали редкие корни, которые не терпели суеты, а потому он лишь лениво махнул рукой:

— Дядя Линь, если спешите — идите вперед. У меня ноги уже гудят, пойду потихоньку, заодно по сторонам осмотрюсь.

Чжуншань теперь неплохо ориентировался на этих склонах, так что заблудиться не боялся.

— Эх, ну и хилая нынче молодежь пошла, — шутливо проворчал Линь Фэн.

Охотник легко взбежал на поросший мхом косогор и мгновенно растворился среди деревьев.

Настоящему травнику не обойтись без безграничного терпения и цепкого взора — благо Фан Чжуншань обладал и тем, и другим в избытке. Медленно пробираясь сквозь чащу, он то и дело находил лесные сокровища.

Так, на пологом склоне перед ним распахнулась тенистая бамбуковая роща. Чжуншань свернул туда из чистого любопытства и замер от изумления: у подножия старых, сухих стеблей пряталось великое множество сетконосок сдвоенных — ценных грибов-сетконосок. Эти белоснежные грибы с ажурной сеточкой, похожей на тонкую вуаль, издавна ценились как изысканный деликатес. Даже выдавший виды Чжуншань не смог сдержать довольной улыбки при виде такого богатства.

Куда ни глянь, повсюду из влажной земли пробивались кружевные шляпки. В эти глухие заросли никто не совался, поэтому сетконоски сдвоенные выросли на редкость крупными, мясистыми и сочными. К тому же он выбрал идеальный час: прохладное, влажное утро раннего лета подходило для сбора нежных грибов как нельзя лучше.

Чжуншань знал толк в тихой охоте. Он не стал варварски выдергивать грибы из земли, а ловко орудовал каменным ножом, аккуратно подрезая ножки у самого основания, чтобы не повредить нежную грибницу. Привычным, выверенным жестом он счищал со шляпок темную слизь, оставляя лишь чистые, упругие пористые ножки. Его руки двигались легко и споро: один за другим обработанные грибы ровными рядами ложились на дно короба.

Срезав увесистую горку ароматных грибов — этого запаса с лихвой хватило бы на несколько знатных обедов, — Чжуншань наконец убрал нож. Оставив на стволе дерева малозаметную зарубку, чтобы вернуться сюда после дождей, довольный травник закинул короб за спину и углубился в чащу.

На склонах Горы Одинокого Шамана всюду буйствовали дикие плодовые рощи. Деревенские сюда почти не ходили — разве что забредали редкие охотники да травники, — поэтому усыпанные плодами ветви гнулись до самой земли, а перезревшие ягоды ковром гнили в траве, никем не тронутые. И теперь все это щедрое изобилие шло прямо в руки удачливому Фан Чжуншаню.

В своей прежней жизни Фан Чжуншань немало исходил таежных троп, так что среди пестрого разнообразия диких деревьев без труда отыскал старых знакомых. Ему то и дело попадались кусты спелой дикой горной сливы, усыпанные плодами ветви дикого ореха и треснувшие коробочки сладких августовских дынь. На другие незнакомые ягоды, хоть те и выглядели на редкость аппетитно, Чжуншань зариться не стал — лесной закон требовал осторожности. Но и без того, собирая то одно, то другое, к моменту встречи с дядей Линем он набил оба короба до краев.

В прежней жизни Чжуншань исходил немало хребтов, но ни один из них не мог сравниться со сказочной щедростью Горы Одинокого Шамана. Под конец похода Фан Чжуншань едва сдерживал счастливый смех, готовый крикнуть на всю тайгу:

"Когда у тебя под боком целая гора, полная сокровищ, — это же просто сказка!"

Дядя Линь тоже времени зря не терял. Мало того что он добыл пару отличных фазанов, так на самом дне его короба ворочался упитанный дикий кролик — такого трофея одному хватило бы дня на три.

— Сама Гора Одинокого Шамана сегодня расщедрилась, — хвастливо ухмыльнулся Линь Фэн.
— Везло прямо-таки сказочно! Этот ушастый глупец сам под ноги выскочил, даже силки ставить не пришлось.

Охотник расплылся в улыбке, отчего его глаза превратились в узкие щелочки. Но стоило ему заглянуть в короб Чжуншаня, как он сокрушенно всплеснул руками:

— Ну и чудак же ты, парень! Набрал полный короб всякой дешевки! Зачем тебе эти дикие орехи? А эти сетконоски сдвоенные? Они же на вкус горькие да вяжущие, их и даром никто не возьмет!

Чжуншань опешил. Дикие орехи — это же лесные грецкие орехи! Любой ребенок знает, что зеленую кожуру есть нельзя, а в пищу идет маслянистое ядрышко внутри твердой скорлупы.

— Дядя Линь... — Чжуншань почувствовал, как к горлу подкатывает смех, и мягко перебил словоохотливого спутника. — А позвольте спросить: как именно вы пытались есть эти самые орехи?

— Да как... — Линь Фэн возмущенно вытаращил глаза, будто его спросили о какой-то глупости.
— Помыл хорошенько да зубами прижал! Кожура жесткая, горькая, язык сводит. Тьфу, гадость несусветная! А ты вон сколько набрал, наплачешься еще, когда спину надорвешь, таща эту дрянь до дома.

—...

Фан Чжуншань лишь молча прикрыл глаза ладонью.

Выходит, дикие орехи осыпались в лесу тоннами и гнили без дела лишь потому, что глупые крестьяне пытались грызть их зелеными, не догадываясь очистить от кожуры, расколоть скорлупу и прокалить ядра на углях? Они просто не знали, каким ароматным и сытным может быть это лакомство!

Какое непростительное, дикое расточительство!

<http://bllate.org/book/19394/1979480>